

— Раз уж ты сознался, что тебя подослал дворец принца Яня, ответь: как вообще Чу Линьюй вышел на тебя?

— Ловушка? Ха-ха! Не смей меня, братец. За Духовной птицей охотятся несколько веков, неужто у тебя совсем нет чутья? Ты явно водишь меня за нос.

Вэнь Каню, Звезде Тянькуй, перевалило за сорок. Лицо у него было широкое, с тяжелым двойным подбородком, а плотное телосложение выдавало склонность к сытой жизни. В его манерах не чувствовалось ни капли той жестокости, которой обычно славятся палачи. Напротив, он держался просто и добродушно, напоминая досужего столичного обывателя, которому для полного счастья не хватало разве что бамбуковой клетки с певчей птицей в руке, чтобы неторопливо прогуливаться по столичным переулкам.

Цзюнь Жухэн висел на дыбе, бессильно опустив голову. Спутанные длинные волосы частично склеились от запекшейся крови. Он попытался шевельнуться, но острые шипы железного ошейника тут же вонзились в шею, заставив его замереть и выпрямиться.

— Я... я не... — его голос тут же утонул в хриплом, надрывном кашле.

Вэнь Кань лениво взмахнул зажатым в руке раскаленным клеймом, отгоняя едкий дым, и внимательно всмотрелся в лицо пленника.

— Хорошо. Давай зайдем с другой стороны. Когда ты обосновался во дворце принца Яня, заметил что-нибудь подозрительное? Поделись со старшим братом, не чужие ведь люди.

Цзюнь Жухэн сглотнул, его взгляд невольно метнулся к пылающей жаровне.

— Нет... ничего я не заме... — его крик оборвался на полуслове.

Раскаленное железо с шипением коснулось груди. По камере поплыл удушливый запах паленой плоти. Цзюнь Жухэн судорожно выгнулся, пальцы мертвой хваткой вцепились в деревянную раму дыбы, а по вискам крупными каплями покатился холодный пот.

Он до боли стиснул зубы. Сознание ускользало, но в мыслях настойчиво билось осознание ошибки.

«Что-то идет не так. Все складывается совсем не так, как я планировал»

Раз он оказался в этой камере, значит, Цзян Ли выполнил поручение и передал послание. Помимо признания в шпионаже, Цзюнь Жухэн намеренно упомянул, что кровь Духовной птицы способна напитать Драконью жилу. Он рассчитывал, что эти сведения дойдут до ушей императора.

Если верить слухам, император Вуле не останавливался ни перед чем, желая изменить судьбу своего сына. Логично было предположить, что правитель сразу же, охваченный нетерпением, прикажет отправить пленника к Драконьей жиле в горы Иньшань, а не станет держать здесь, дотошно пытая подробности о его связях с мятежным принцем Янем.

— Ай-яй-яй, братец, нехорошо обманывать, — Вэнь Кань сочувственно покачал головой и слегка похлопал Цзюнь Жухэна по бледной щеке. — Ладно, покажу-ка я тебе одну любопытную вещь.

Он небрежно очертил пальцем круг в воздухе. Потоки его истинной ци сгустились, соткавшись в зыбкую, мерцающую гладь водяного зеркала.

Цзюнь Жухэн с трудом повернул голову. На поверхности зеркала, сменяя друг друга, начали проступать картины — это были воспоминания Чу Яня!

— Скажи мне, — вкрадчиво произнес Вэнь Кань, — знаком ли тебе этот монстр, что терзает принца Яня в иллюзии?

Цзюнь Жухэн прекрасно помнил слова Чу Яо о том, что Талисман духовной сути подвластен далеко не каждому. Но он непростительно просчитался: глупо было полагать, будто у могущественного владыки Поднебесной не найдется мастеров, искушенных в тайных техниках и рунах.

Глядя на оживающие в зеркале кошмарные видения, пропитанные зловещей энергией, Цзюнь Жухэн впервые усомнился в своей затее. Правильно ли он поступил, решившись на этот отчаянный шаг?

— Я хочу видеть императора! — выдохнул он.

— Аудиенция у Его Величества? Дело нехитрое, я могу замолвить словечко, — добродушно усмехнулся Вэнь Кань. — Вот только на мне висит государственное поручение. Если я вернусь с пустыми руками и получу нагоняй, у меня едва ли останется время и желание помогать тебе. Сам понимаешь, верно?

За маской добродушного весельчака скрывался безжалостный и искушенный инквизитор. Цзюнь Жухэн сразу понял: перед ним мастер допроса, способный по малейшему движению лица читать мысли. Лгать такому человеку было чистейшим самоубийством.

Цзюнь Жухэн стиснул зубы:

— Я видел его. Но кто он такой — понятия не имею. Все, что я помнил о дворце принца Яня, я уже рассказал. А этот монстр... — он тяжело сглотнул пересохшим горлом. — Я правда не знаю, откуда он взялся, как связан со мной и почему выбрал именно меня на роль шпиона. Честно говоря, во всем этом я сам хотел бы разобраться больше, чем ты.

Вэнь Кань слушал предельно сосредоточенно, ловя каждое мимолетное изменение в его мимике.

— Твоя память... в ней есть пробелы? — внезапно спросил он.

Цзюнь Жухэн промолчал, но палачу и не нужен был устный ответ — все было написано на лице пленника.

Вэнь Кань сделал несколько неторопливых шагов по камере, а затем стремительным, почти неувидимым движением вонзил два пальца в акупунктурную точку на макушке Цзюнь Жухэна.

Зажатый мертвой хваткой железного ошейника, юноша не мог даже шелохнуться. Ему показалось, будто чужая ледяная рука бесцеремонно вторглась в его разум, сжимая и растягивая каждую ниточку нервов, стремясь выпотрошить все его тайны до единой.

Боль и колоссальное ментальное давление оказались невыносимыми. Цзюнь Жухэн потерял сознание и обмяк на цепях. Только тогда Вэнь Кань убрал руку. Его тонкие усы едва заметно дрогнули.

— Странно... Как я мог не увидеть его прошлых воплощений? — пробормотал он в недоумении.

В соседней комнате, отделенной от пыточной лишь тонкой стеной, все пространство было завешено зеркалами. В самом центре восседал император Вуле. Когда он заговорил, его голос эхом отразился от сотен зеркальных поверхностей, словно вторили ему тысячи невидимых голосов.

— Так его истинное происхождение до сих пор не установлено?

— Звезда Тянькуй — непревзойденный мастер распознавать ложь, — евнух Чэнь Чживэй робко взглянул на суровое лицо повелителя и заговорил вкрадчивым шепотом. — Раз он утверждает, что парень не притворяется, значит, Духовная птица вряд ли лжет. Но если он действительно тот самый человек... как он мог связаться со змеиным племенем Цяньчэн?

Император Вуле покосился на него и снисчительно усмехнулся:

— Кому-кому, а тебе ли рассуждать об этом? — с этими словами он протянул руку и аккуратно снял с чиновничьей шапки евнуха блестящую змеиную чешуйку. — Будь осмотрительнее на людях, Сяо Вэйцзы.

На бледном, продолговатом лице Чэнь Чживэя тут же расплылась угодливая улыбка. Он послушно опустился на колени, склонив голову к ногам императора.

— Ваше Величество даровал мне новую жизнь, сотворив чудо. Как смею я цепляться за ошибки прошлого? Это было бы черной неблагодарностью за вашу великую милость.

Император хранил бесстрастное выражение лица, однако его ладонь медленно скользнула вниз по спине слуги и властно сжала его поясицу. В его холодных глазах промелькнула тень порочного вождения.

— Значит, даже его духовную сущность не удалось прочесть?

Чэнь Чживэй согласно кивнул:

— В этом-то и кроется странность. Способности Звезды Тянькуй к обнаружению духовной силы безупречны, но даже он оказался бессилён. Ваше Величество, может, пришло время прибегнуть к крайним мерам?

Император Вуле погрузился в молчание.

— Повременим, — наконец произнес он. — От этой птицы еще может быть польза. Сам видишь, аппетиты Цяньчэн Сюэ растут с каждым днем. Ему мало контроля над мятежным удельным

князем, теперь он замахнулся на самую Драконью жилу. Если не искоренить эту заразу сейчас, последствия будут катастрофическими.

Губы Чэнь Чживэя на миг дрогнули, но он тут же вернул лицу покорное выражение:

— Воля Вашего Величества — закон для преданного слуги.

В комнате, увешанной зеркалами, ни одно движение не могло укрыться от взгляда императора.

Правитель едва заметно улыбнулся собственному отражению. Вглядываясь в свои черты, тронутые печатью увядания, он негромко вздохнул:

— Сто лет пролетели, точно сон о бабочке... Если это действительно старый знакомый, пожалуй, стоит с ним встретиться.

Стоило ему договорить, как зеркала вокруг подернулись рябью, словно потревоженная ветром водная гладь. В самой глубине стекла начали проступать бесчисленные лица.

Они были похожи на призрачных узников, запертых в зазеркальном плену: одни беззвучно кричали от боли, другие молили о пощаде, третьи исходили яростными проклятиями. Если бы кто-то всмотрелся внимательнее, то узнал бы среди этих истерзанных теней самого принца Яня, Чу Линьюя. Истощенный, со сломленной волей, он непрестанно твердил одни и те же слова: «Пощади моего сына... умоляю, пощади...»

В это время в самом роскошном чайном доме столицы лекарь Чи Сяюй зачитывал донесение:

— «В последующие дни Звезда Тянькуй по прямому указу императора ежедневно подвергал пленника жестоким допросам. Тот не раз оказывался на грани жизни и смерти, однако упрямо молчал, требуя лишь личной встречи с государем».

Дочитав, Чи Сяюй поднес клочок бумаги к пламени масляной лампы. Бумага мгновенно вспыхнула и осыпалась пеплом.

— Думаешь, Духовная птица решил выдать твои тайны? — спросил лекарь, взглянув на собеседника.

Чу Яо хранил угрюмое молчание. Его взгляд был устремлен вниз, на первый этаж чайной, где шумела разношерстная толпа.

Снизу доносились разгоряченные споры:

— В Цзичжоу Духовная птица помог подавить мятеж, заслужил награду, а его бросили в темницу как государственного преступника! Что вообще творится в голове у императора?

— Господин Цзян, к чему эта паника? Всем известно, что Духовная птица — любимец наследного принца. Против кого на самом деле направлен этот удар, гадать не приходится!

— Брат Ван, не будь столь наивен! Да, мы помогли трону ослабить удельных князей, но для

двора мы по-прежнему остаемся бывшими вассалами мятежных земель. Император молчит, но думаешь, он забыл об этом? Арест Духовной птицы — это ясный намек всем нам!

Шумный зал мгновенно притих. Опасная правда повисла в воздухе тяжелым грузом.

Чи Сяюй пренебрежительно фыркнул:

— Действительно, рыльце у всех в пушку, вот и дрожат от каждого шороха. Император еще даже за нож не взялся, чтобы пустить кровь первой курице, а эти обезьяны уже подняли несусветный визг. Ты как, в порядке?

Заметив, насколько мрачен Чу Яо, лекарь осекся.

Аура, исходившая сегодня от наследного принца, была леденящей. Для человека, который славился мягкостью и снисходительностью к подчиненным, подобное состояние казалось пугающим. Впрочем, Чи Сяюй видел его таким не впервые.

В памяти лекаря всплыл знойный июньский день — их самая первая встреча.

Тогда в императорском саду юный Чу Яо стоял, не отрывая взгляда от умирающей на земле маленькой желтой птички. Палило беспощадное солнце, на небе не было ни облачка. Маленький наследник простоял под испепеляющими лучами добрую половину часа, безучастно наблюдая за тем, как птица испускает дух, пока она окончательно не затихла, превратившись в безжизненный комочек перьев.

Лишь после этого он наклонился, бережно поднял мертвую птицу и передал слугам, велел похоронить ее со всеми почестями.

Повидавший виды Чи Сяюй тогда долго не мог подобрать слов, чтобы описать характер этого ребенка. Назвать его жестоким? Но ведь он проявил искреннюю заботу о мертвой птице, не позволив выбросить ее как мусор. Назвать милосердным? Но он и пальцем не пошевелил, чтобы облегчить ее предсмертные муки.

Лишь позже лекарь узнал: эта птичка была любимым питомцем принца. Утром она вырвалась из клетки, когда слуга наливал воду, но не успела взлететь над дворцовой стеной — стражник подстрелил ее из арбалета.

С того самого дня Чи Сяюй смотрел на своего господина с невольным трепетом и скрытым опасением.

— Дела, которыми занимаются Двенадцать теневых стражей Тяньган, обычно не под силу вывести даже божествам. Откуда же на этот раз слухи распространились с такой быстротой? — ледяным тоном произнес Чу Яо.

Чи Сяюй нахмурился, обдумывая эти слова. Вновь окинув взглядом спорящую внизу толпу, он внезапно изменился в лице.

— Надо же... Какая неожиданная встреча.

Цзян Ли не ожидал встретить здесь наследного принца. Его спина мгновенно напряглась, словно струна, а взгляд он так и не решился поднять.

— Это он приказал тебе выдать его? — после недолгого молчания тихо спросил Чу Яо.

Цзян Ли колебался мгновение, а затем едва заметно кивнул.

— Этот малый совсем лишился ума, но ты-то куда смотрел? — изумился Чи Сяоюй. — Неужели позволил ему одурманить себя? Обвинение в измене — не шутка, разве можно добровольно вешать на себя такое клеймо? И ты действительно пошел у него на поводу?

Цзян Ли молча перевел взгляд на Чу Яо. В этом безмолвном взоре крылся ответ, который они оба так жаждали услышать.

Чу Яо почувствовал, как перехватило горло. Чтобы скрыть замешательство, он сделал медленный глоток остывшего чая.

— Что именно он сообщил императору о Драконьей жиле?

— Господин Цзюнь лишь велел передать Его Величеству, что его кровь способна напитать жилу и переписать вашу судьбу, — ответил Цзян Ли. — Больше он не раскрыл ни единой тайны.

Услышав это, Чу Яо и Чи Сяоюй обменялись быстрыми взглядами.

— Откуда у него подобные мысли? — недоуменно спросил лекарь.

Наследный принц промолчал. Его палец бесцельно скользнул по полированному дереву столешницы, оставив влажный след, который тут же начал испаряться.

— А этот переполох среди знати в чайном доме — тоже его затея? — продолжал расспросы Чи Сяоюй.

Цзян Ли подтвердил, что Цзюнь Жухэн просчитал этот шаг как запасной план.

Поскольку Духовная птица долгое время находился под покровительством Восточного дворца, его арест бросал тень на наследника. Даже если бы Чу Яо был абсолютно чист, подозрительный император все равно мог использовать этот повод против сына. Но теперь, когда весть о заточении героя Цзичжоу разнеслась по столице, люди заговорили о неблагодарности престола, избавляющегося от верных слуг, как только минует надобность. Боясь запятнать свое доброе имя в глазах подданных, император Вуле не решится открыто преследовать Восточный дворец.

Преданность. Слово звучное, благородное, но если вдуматься, за ним всегда кроется нечто личное. Какая именно преданность вела Цзюнь Жухэна — холодный долг или слепое веление сердца — зависело лишь от того, что из них взяло верх.

— Раз уж все зашло так далеко, — негромко произнес Чу Яо, и в его ровном, лишенном эмоций голосе Цзян Ли уловил глухую, давящую угрозу. — Что ты скажешь в свое оправдание?

Остатки напускного спокойствия, которое гвардеец отчаянно пытался сохранить с самого начала разговора, окончательно рухнули.

Он опустился на колени, низко склонив голову, и заговорил прерывающимся, хриплым голосом:

— Я получал жалование от короны и исполнял свой долг, но в моем сердце единственным господином всегда были вы, Ваше Высочество. Однако преданность не может быть разделена. Я совершил непростительный проступок и готов принять любое ваше решение.

Будучи одним из лучших гвардейцев, Цзян Ли при желании мог бы скрыться так, что его не сыскали бы лучшие ищейки Поднебесной. Но сейчас он просто смертельно устал.

В комнате повисла тяжелая, удушливая тишина. Чу Яо задумчиво постукивал пальцами по фарфоровой крышке пиалы. Когда он молчал, его лицо превращалось в холодную, непроницаемую маску, а от всей его фигуры веяло таким леденящим равнодушием, что воздух вокруг, казалось, застыл на глазах.

Когда Цзян Ли уже приготовился услышать смертный приговор, тишину внезапно нарушил негромкий, почти мягкий голос принца:

— Раз уж А-Хэну так хочется поиграть со смертью... как я могу ему в этом отказать?

<http://bllate.org/book/18274/1750188>